

Два загадочные народа древней Европы.

1. Этруски.

Въ исторіи торговли древней Европы одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ принадлежатъ этрускамъ. Издѣлія этрускаго искусства и промышленности (ср. Martha, L'art étrusque) шли далеко на сѣверъ (Genthe, Ueber den etruskischen Tauschhandel nach dem Norden; Duhn, Die Benutzung der Alpenpässe in Altertum 1892). Благодаря обилію крѣпостныхъ людей или, наоборотъ, находившихся въ тяжелой зависимости отъ лужумоновъ (этруской знати, principes Etruriae) этрускамъ ничего не стоило завести у себя многочисленныя фабрики мануфактурнаго, литейнаго, гончарнаго и т. п. товара. Наибольше славилась изъ бронзы, производимой которой сосредоточивалось въ городахъ Вулви (Vulci), давшихъ название римскому Вулкану (Vulcanus, Vulcanus), доковательство кузнечное, литейщиковъ и вообще „вульканскихъ“ дѣлъ мастеровъ. Въ Тарквиніяхъ процвѣтало производство тканей; въ г. Аггеційшъ выдѣлывались красныя глиняныя вазы съ выпуклыми изображеніями и т. д.

Рядомъ съ этимъ этруски пользовались извѣстностью еще и какъ морскіе разбойники. Однако торговля и морской разбой составляли нѣкогда два весьма близкія понятія (см. нашу статью въ „Южн. Край“ № 4398 „Первобытныя формы международныхъ сношеній въ древней Европѣ“). Ра-

зумѣется, непріятельскія отношенія на морѣ были направлены только противъ кораблей тѣхъ націй, у которыхъ не было съ этрусками опредѣленныхъ на этотъ счетъ договоровъ. Последнее засвидѣтельствовано напр. для Кароатена. Напротивъ, греки долго боялись заѣзжать на западъ дальше Мессинскаго пролива изъ страха передъ этрусскими пиратами (по Эфору у Strab. 6, 2, 2). И только, когда удалось имъ основать съ одной стороны колонію въ Кумахъ (близъ теперешняго Неаполя), а съ другой стороны, подымаясь къ сѣверу подлѣ испанскаго берега, колонію Массалию (нынѣ Марсель), этруски потеряли прежнее привилегированное положеніе въ Тирренскомъ морѣ, такъ что современемъ сиракузскіе тиранны неоднократно ходили наказывать ихъ въ собственной ихъ странѣ, опустошая берега Этруріи. Обѣдѣли тогда три-жесерскіе этрусскіе города, въ то время какъ внутреннія общины, благодаря развитію у нихъ фабричной промышленности, долго еще славилась своимъ богатствомъ и пристрастіемъ въ роскоши. Но послѣ Суллы и это измѣнилось, отчасти благодаря социальному перевороту, вызванному пожатиемъ правъ римскаго гражданства также и кліентамъ-пенестамъ этрусскихъ лужумоновъ, отчасти вслѣдствіе водворенія въ Этруріи многочисленныхъ колонистовъ изъ ветерановъ Суллы. Съ тѣхъ поръ даже и языкъ этрусскій сталъ выходить мало по малу изъ употребленія, и этрусскія книги были извѣстны въ Римѣ разлѣ только немно-

гимъ специалистамъ-любителямъ, въ родѣ императора Клавдія. Вопросъ о происхожденіи этрусковъ, т. е. о ихъ національности, интересовалъ еще древнихъ историковъ и не потерялъ своего интереса и до сихъ поръ. Мало того, въ послѣднее время вопросъ этотъ снова выплываетъ на поверхность, благодаря нѣкоторымъ археологическимъ находкамъ съ текстами этрускаго письма и языка. Еще Геоодотъ (1, 94) пытался разрѣшить этотъ темный вопросъ. При царѣ Атисѣ, говоритъ онъ, по причинѣ страшнаго голода, лидійцы порѣшили вывести изъ страны часть населенія ради облегченія другой части. Царевичъ Тирсенъ, ставъ во главѣ переселенцевъ, послѣ долгаго блужданія поселился въ странѣ умбровъ. Отъ его имени лидійская колонія въ Умбріи получила названіе тирсеновъ, что по гречески обозначаетъ этрусковъ. Напротивъ, Діонисій Галикарнаскій, жившій въ Римѣ около времени Рождества Христова и, въ качествѣ уроженца Малой Азіи, знавшій тамошніе народы, утверждаетъ, что между этрусками и лидійцами не замѣчается никакого сходства ни въ языкѣ, ни въ религіи, ни въ обычаяхъ (1, 30). Кромѣ того подкрѣпляетъ онъ свои наблюденія ссылкой на лидійскаго историка Ксанона, не сообщавшаго ничего ни о царевичѣ Тирсенѣ, ни о какомъ-либо выселеніи лидійцевъ. Другую теорію о происхожденіи этрусковъ даетъ Гелланикъ Мпигленскій, современникъ Геродота. По его

мнѣнію, этруски были пеласги, переселившіеся въ Италію изъ Фессалии. Но также и противъ этого мнѣнія возстаютъ Діонисій Галикарнаскій, признавъ этрусковъ и пеласговъ за два совершенно различные народы. При этомъ Діонисій добавляетъ, что и вообще этруски стоятъ вполне особнякомъ, не обнаруживая никакого сходства ни съ какимъ другимъ народомъ. Изъ чего онъ и заключаетъ, что этруски не пришельцы, а автохтоны Этруріи. Однако аргументы Діонисія здѣсь далеко не столь убѣдительны, какъ тамъ, гдѣ онъ оспариваетъ мнѣніе Геродота. Прежде всего окончательный выводъ Діонисія объ автохтонствѣ этрусковъ положительно не вѣренъ. Въ Италіи этруски являются несомнѣнно позднѣйшимъ сравнительно населеніемъ на умбріиской почвѣ (въ этомъ по крайней мѣрѣ отношеніи правъ Геродотъ), такъ какъ топографическія названія мѣстностей, населенныхъ этрусками, не имѣютъ почти ничего общаго съ этрусскимъ языкомъ, по за то очень много сходнаго съ языкомъ умбровъ. Также и заключеніе Діонисія объ отсутствіи всякаго сходства этрусковъ съ другими народами нуждается въ поправкѣ: въ музыкѣ и родствѣ этрусковъ замѣчается довольно значительное сходство между Этруріей и Малой Азіей (ср. мнѣніе Геродота), а социальное устройство въ Этруріи было вполне тождественно съ такимъ же устройствомъ въ Фессалии (ср. мнѣніе Гелланика): и тамъ, и здѣсь крѣпостничество процвѣтало въ совершенно оди-

наковыхъ формахъ. Наконецъ, и сужденіе Діонисія о различіи этрусковъ и пеласговъ основывается только на языковомъ матеріалѣ, или, вѣрнѣе, только на одномъ словѣ, къ тому же невѣрно прочтенномъ со стороны Діонисія въ текстѣ Геродота. Какъ-бы то ни было, но выдуманныя рассказы о разныхъ троянскихъ, греческихъ и т. п. поселеніяхъ въ Италіи повторяются столь часто, что теоріи Геродота и Гелланика должны были вызывать сомнѣніе уже сами по себѣ. Тѣмъ не менѣе толкованія древнихъ историковъ далеко не такъ неосновательны, какъ многочисленныя предположенія, высказанныя въ новѣйшія времена о родствѣ этрусковъ съ другими какими-либо народами, преимущественно на основаніи языка, путемъ толкованія надписей, оставшихся отъ этрусковъ. Одно изъ этихъ мнѣній, по господствовавшей нѣкогда модѣ, производило этрусскій языкъ изъ древне-еврейскаго (Piambellato и еще въ 1858 г. Stickel) Betham (1842) находилъ сходство съ ивритомъ языкомъ. Извѣстный славянской поэтъ Колларъ (въ сочиненіи „Старовѣстна славянская“) безъ труда перелагалъ тексты этрускаго письма на славянскія слова. Моратти (Studi sulle antiche lingue Italiane 1887) узнавалъ въ языкѣ этрусковъ отчасти армянскіе, отчасти албанскіе элементы. В. Ellis (Sources of the Etruscan and Basque) производитъ его отъ языка испанскихъ басковъ, послѣ того какъ раньше самъ сближалъ его съ армянскимъ языкомъ (The armenian origin

of the Etruscans 1861 г.). За родичей армянъ признаетъ этрусковъ также и Bugge (Etruskisch und Armenisch 1890). Corssen (Ueber die Sprache der Etrusker, 2 тома) причисляетъ этрусскій языкъ къ индоевропейскимъ, считая такимъ образомъ этрусковъ родичами римлянъ. Сравнительно самое оригинальное сближеніе даетъ американецъ Brinton, указавшій на большое сходство этрусскихъ собственныхъ именъ съ такими же африканскими именами въ лат. эпосѣ Кориппа „Іоаннида“ (объ африканской войнѣ Іоанна Патриція ок. 550 г.). Въ настоящее время самый главный изслѣдователь этрускаго языка, Паули, возвратился снова къ мысли Діонисія Галикарнасскаго, что этруски—совершенно своеобразный народъ, не имѣющій нигдѣ никакихъ этнографическихъ родичей. Такимъ образомъ лингвистическій методъ не далъ пока ровна никакихъ результатовъ для объясненія происхожденія этрусковъ. Оставалось, однако, нѣкоторые историческія данныя. По Ливію (3, 33), этруски изъ Этруріи проникли нѣкогда въ долину рѣки По и основали тамъ 12 союзныхъ городовъ, т. е. такую-же федерацію, какая была у нихъ въ Этруріи. Мало того, по сообщенію того же Ливія, этруски жили отчасти также и въ Альпахъ, въ предѣлахъ теперешняго Тироля, подъ названіемъ Ретовъ (Raeti), будучи отѣснены туда галлами. Путемъ комбинаціи этихъ данныхъ съ нѣкоторыми другими Нибуръ построилъ такую теорію: признавъ Ретію, вопреки изложенію Ливія, за первоначальную

родину этрускаго племени, онъ предполагалъ, что этруски спустились отсюда сперва въ долину рѣки По, а уже потомъ проникли далѣе на югъ въ собственную Эгрурію. Въ пользу своей теоріи Нибуръ указываетъ, между прочимъ, и на нѣкоторое сходство словъ Raeti и Rasena, какъ называли этруски самихъ себя. Совершенно другую теорію даетъ О. Мюллеръ въ своемъ извѣстномъ трудѣ объ этрускахъ. Примыкая къ Гелланику и пользуясь историческими свѣдѣніями о пеласагахъ и въ частности о тирсенскихъ (или тирренскихъ) пеласагахъ, жившихъ на Деміѣ и Имбрѣ, Мюллеръ считаетъ правдоподобнымъ, что тирренцы въ Эгруріи не что иное, какъ переселившіеся сюда пеласгическіе разбойники Эгейскаго моря, упоминаемые подъ именемъ тирренцевъ еще въ гомеровскомъ гимнѣ Діонисію. Въ такомъ случаѣ пространство тирренцевъ-этрусковъ въ Италіи должно было идти, по мнѣнію Мюллера, съ юга, начиная съ городовъ Agylla (Caere) и Tarquinii. Но при этомъ Мюллеръ пытается комбинировать свое мнѣніе съ толкованіемъ Нибура, отличая этихъ тирренцевъ отъ славившихся съ ними народа Равенны, вышедшаго, изъ Ретіи. Впрочемъ и первая часть теоріи Мюллера, касающаяся пеласговъ, находится въ связи съ ученіемъ Нибура, по которому этрусскіе, вышедшіе изъ Ретіи, тоже слились съ пеласгами; но только эти пеласги были туземное населеніе, занимавшее будто бы въ качествѣ первобытныхъ жителей все-

Апеннинский и весь Балканский полуостровъ отъ рѣки По до Босфора.

Сложность теорій Нибура и Мюллера зависѣла отъ желанія примирить столь повидимому противорѣчивыя данныя, какъ выше приведенные факты, сообщаемые Ливіемъ, и очевидную связь этрусскихъ тирренцевъ съ пеласгическими. Но, впрочемъ, последнее сопоставленіе, кромѣ сходства обонхъ народовъ въ томъ, что занимались морскимъ разбоемъ, основывалось въ сущности только на созвучіи ихъ названій; а извѣстно, какъ можетъ быть обманчиво простое созвучіе словъ, если оно не подкрѣпляется какими либо болѣе вещественными доказательствами. Въ данномъ случаѣ такихъ доказательствъ не имѣлось. Ничто, повидимому, не подтверждало связи этрусковъ, называвшихся по гречески тирренцами, съ тирренскими пеласгами, жившими нѣкогда на Лемнѣ и Имбрѣ. Къ тому же и самые пеласги являются въ значительной степени народомъ почти-что мифическимъ. Но вдругъ, въ 1886 г., два француза, Г. Кузень и Ф. Дюрбакъ, нашли на Лемнѣ камень (повидимому, надгробный) съ изображеніемъ воина, покрытый буквами, похожими на этрусскія письмена, и словами, обнаруживающими большое сходство съ языкомъ итальянскихъ этрусковъ (изданъ въ Bulletin de Correspondance hellénique t. X; Pauli, Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos; Deescke въ Rhein. Mus. 41 стр. 460 сл.; Bugge, Der Ursprung der Etrusker). Эта неожиданная находка сразу освѣтила предполагаемую еще

въ древности связь этрусковъ съ востокомъ и въ частности съ пеласгическими тирренцами, такъ какъ по малоцѣнности камня трудно предположить, чтобы онъ какъ-нибудь случайно попалъ на Лемнъ изъ Этруріи.

Напротивъ, простой случайностью можетъ быть объяснена другая находка, тоже указывающая на какую-то связь Этруріи съ востокомъ. Въ національномъ музеѣ въ Загребѣ находилась мумія, вывезенная въ 1848 году изъ Египта. Вскорѣ послѣ поступленія этой муміи въ означенный музей (въ 60 хъ годахъ) извѣстный египтологъ Brugsch обратилъ вниманіе на то, что бинты, покрывавшіе мумію, исписаны какими-то знаками, которые въ 1891 г. прочтены были вѣнскимъ ученымъ Краппомъ и имъ же изданы (Die etruskischen Mumienbinden des Agramer Nationalmuseum). Знаки оказались этрусскими письменами, а также и языкъ ихъ безспорно этрусскій. Текстъ, снятый съ бинтовъ муміи, заключаетъ въ себѣ до 1200 словъ, составляя, такимъ образомъ, въ настоящую минуту самый объемистый памятникъ этрускаго языка. Рукопись, выведенная тщательно изысканными буквами на полотнѣ, разорванномъ теперь полосами на бинты, представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ образчикъ знаменитыхъ полотняныхъ книгъ (libri lintei), упоминаемыхъ и у римлянъ. Впрочемъ, находка эта не имѣетъ значенія для вопроса о происхожденіи этрусковъ, если она дѣйствительно принадлежитъ уже греко-римской эпохѣ, какъ полагаетъ Краппъ, а основаніи слѣдъ въ п. золоты.

Какъ бы то ни было, лемноская находка въ состояніи не только подкрѣпить предположеніе о связи этрусковъ съ лемносскими пеласгами-тирренцами, но можетъ реабилитировать и мнѣніе старика Геродота даже въ той части этого вопроса, которая касается специально Лидіи. Попытка этого рода предпринята, и не безъ нѣкотораго успѣха, вышеупомянутымъ Pauli (Eine vorgriechische Inschrift von Lemnos). Но это уже касается пеласговъ вообще. Здѣсь же идетъ у насъ рѣчь пока только объ этрускахъ.

Если же древніе историки оказались правыми въ томъ, что производили этрусковъ съ востока, то спрашивается, какимъ образомъ они при были въ Италію? И вотъ, въ этомъ отношеніи по прежнему дѣлается выборъ только между двумя возможностями: сѣвернымъ или сухопутнымъ направленіемъ по Нибуру и южнымъ или морскимъ съ западнаго берега Италіи по Мюллеру. Изъ этихъ двухъ возможностей Pauli (стр. 79) отдастъ предпочтеніе первой, съ одной стороны, по отдаленности предполагаемаго морскаго пути, а съ другой—въ виду весьма вѣроятнаго предположенія Гельбига (Die Italiker in der Poebene стр. 97 сл.) о томъ, что свайныя постройки италикотъ въ долинѣ рѣки По были прерваны въ дальнѣйшемъ развитіи именно пришествіемъ этрусковъ. Этруски, отбѣснившіе италикотъ далѣе на югъ въ Италію, должны были двигаться, слѣдовательно, съ сѣвера. Кромѣ того, въ пользу сѣвернаго направленія говоритъ будто бы еще и то, что отождествленіе турсовъ

въ германской мифологіи съ этрусками считается со времени Гримма непреложной истиной, доказывающей, что этруски должны были состоять нѣкогда во враждѣ съ германцами, что могло имѣть мѣсто только на сѣверѣ.

Однако весьма странно, что во всемъ этомъ дѣлѣ упущена изъ виду еще третья возможность, которая, соотвѣтствуя въ достаточной мѣрѣ только что приведеннымъ соображеніямъ, въ то же время не прерываетъ (какъ это выходитъ при сѣверномъ направленіи въ смыслѣ Нибура) генетической связи между морскимъ разбоемъ этрусскихъ и лемносскихъ тирренцевъ. Говоря о морскомъ пути при переселеніи этрусковъ, изслѣдователи думаютъ исключительно о направленіи черезъ Мессинскій проливъ и о занятіи этрусками италійскаго берега съ запада. При такомъ направленіи, конечно, было-бы трудно отвѣтить на вопросъ, почему этруски не основались гдѣ-нибудь по южнѣе въ Италіи. Но ничто не мѣшаетъ предположить, что этруски, если уже пришли откуда-нибудь съ востока морскимъ путемъ, процибли въ Италію не съ запада, а съ востока, не по Тирренскому морю, а черезъ Адриатическое море тѣмъ-же путемъ, какъ и мифическій Антендоръ у Ливія (1, 1, 2: Antenorem venisse in intumum maris Adriatici sinum). Можно даже указать причину, почему они, въ качествѣ мореплавателей, остановились именно на этой мѣстности: на всемъ западномъ берегу Италіи это единственное мѣсто, гдѣ корабли ихъ могли проникать по рѣкѣ въглубь страны, находя здѣсь въ случаѣ необходимо-

сти полную безопасность и защиту. И если Геродотъ говоритъ, что тирренцы поселились въ странѣ умбровъ, то это извѣстіе находитъ полное примѣненіе также и къ дельтѣ рѣки По, такъ какъ и здѣсь жили умбры даже еще въ историческія времена (ср. Gsell, Fouilles dans la Necropole de Vulci стр. 327 сл.). Мало того, указаніе Геродота на умбровъ непремѣнно требуетъ приуроченія этого извѣстія именно къ этой мѣстности, со-сѣдней съ собственною Умбріей, у которой этруски, по Плинію (3, 112), отвоевали 300 городовъ (т. е. вообще поселеній, считая, очевидно, и собственную Этрурію).

Однимъ изъ городовъ въ мѣстности, занятой этрусками по сосѣдству съ устьемъ рѣки По, былъ г. Ravenna, обнаруживающій въ своемъ названіи чисто этрусскую формацию, подобную многимъ другимъ этрусскимъ именамъ на—enna или—enna (ср. напримѣръ, Rassenenna, Porsenna и т. п.). И вотъ основатели этого города считались, по Страбону (5, 1, 7), пришельцы изъ Фессаліи, что сильно напоминаетъ собою извѣстіе Гелланика, что и этруски пришли именно изъ Фессаліи, представляя собою выселившихся оттуда пеласговъ. Правда, между Адриатическимъ моремъ и Фессаліей лежитъ Эпиръ. Но замѣчательно, что самъ Зевсъ въ Додонѣ почитался подъ названіемъ „пеласгическій“ (Il. 16, 233); значитъ, и Эпиръ имѣлъ нѣкогда какое-то весьма тѣсное отношеніе къ пеласгамъ. Отсюда получаютъ слѣдующія звенья между востокомъ и западомъ: Имбръ и Лемнъ, Фессалія,

Эпиръ, Адриатическое море. При этомъ не безразличенъ и тотъ фактъ, что самое это море получило у грековъ свое названіе отъ имени главнаго города этрусковъ въ устьѣ рѣки По, называвшагося Hadria (или по этрусской орфографіи Hatria).

Если этруски пришли въ Италію по Адриатическому морю черезъ рѣку По, то дальнѣйшее ихъ распространеніе въ этой странѣ становится совершенно понятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Исходною точкою въ этомъ случаѣ служили-бы тѣ 12 городовъ въ долинѣ рѣки По, которые Ливій, съ точки зрѣнія своего времени, принималъ за колоніи, выведенныя этрусками изъ собственной Этруріи. Этруски, проникшіе сюда съ Адриатическаго моря, укрѣпились прежде всего въ Гадриі, могшей служить, съ одной стороны, надежнымъ убѣжищемъ для ихъ кораблей и складочнымъ пунктомъ для награбленной ими на морѣ добычи, а съ другой—дававшей имъ возможность распространять свою торговлю и свое владычество внутри страны по всѣмъ направленіямъ тамошней рѣчной системы. Тогда-то именно и могли они заставить ита-ликовъ, въ томъ числѣ и латинъ, уйти отсюда далѣе на югъ, бросивъ занятые ими прежде террамары. Укрѣпившись достаточно въ области рѣки По, этруски, прослышавъ о томъ, что недалеко отсюда имѣется другое море, могли устремиться туда и, найдя это море, могли постепенно завоевать прибрежную его полосу, основавъ здѣсь новый союзъ 12 городовъ, на подобіе того союза, ко-

торый былъ у нихъ по ту сторону Апеннина, на берегахъ рѣки По. Этому-то новому союзу суждено было затемнить собою современемъ старое пелелане, въ особенности со времени вторженія галловъ, отбѣснившихъ одну часть транспаданскихъ этрусковъ въ ближайшія горы (Raetia).

Разумѣется, при нашемъ толкованіи появленіе этрусковъ въ долинѣ рѣки По должно быть отнесено къ гораздо болѣе отдаленнымъ временамъ, чѣмъ обыкновенно принимають, приписывая это событіе приблизительно къ 5 стол. до Р. Хр. И дѣйствительно, археологическія данныя вполне благоприятствуютъ нашему мнѣнію (ср. Gsell въ ук. сочин. стр. 326 сл.). Сами же этруски относили начало своей исторіи за 400 слѣшкомъ лѣтъ до основанія Рима.

И такъ движеніе этрусковъ въ собственной Этруріи шло съ сѣвера югъ. Распространяя свое владычество вдоль западнаго берега Италіи, этруски подчинили себѣ на время и Римъ и проникли еще и далѣе на югъ вплоть до Кампаніи. Но изгнавіе Тарквиніевъ изъ Рима прервало непосредственную связь между затибрской Этруріей и этрусскими владѣніями въ югу отъ Лациа, вслѣдствіе чего послѣдніе вскорѣ послѣ этого освободились отъ своихъ этрусскихъ владыкотъ. Далѣе на югъ этрусскія завоеванія никогда не проникли, благодаря могущественной греческой колоніи въ Кумахъ.

Проф. И. Петушинъ.